

— Хозяин? — прозвучал слегка дрожащий голос, доносившийся словно издалека.

Гу Гэ нахмурился, в глубине души мгновенно насторожившись:

— Ты что такое?

— Я — персональная Система хозяина. Я обладаю силой перемещаться сквозь пространство и время. Я здесь, чтобы напомнить: вам пора приступить к выполнению задания.

Гу Гэ не осмелился расслабиться, но внешне изобразил полное безразличие. Он взял яблоко и принялся срезать с него кожуру:

— Почему у меня нет воспоминаний? И что это за задание, о котором ты говоришь?

Система ответила:

— Хозяин обязан действовать согласно развитию сюжета и покорить цель: Се Наня. Первые двадцать лет вы справлялись отлично, но в последнее время стали лениться. Задание начало отклоняться от основной линии. Прошу вас, ускорьте прогресс.

Механический, сухой голос Системы заставил Гу Гэ невольно нахмуриться, а от её самоуверенного тона брови сошлись на переносице ещё плотнее. Если бы не опасение перед странной и таинственной природой Системы, он бы уже давно сорвался.

Если Гу Гэ не ошибался, Система несла полную чушь лишь с одной целью — заставить его послушно следовать сценарию. Следовать сценарию? Гу Гэ усмехнулся. Всё понятно: Система — это просто ловушка. От одного взгляда на тот сценарий его тошнило. Следовать ему? Лучше уж прикончить Систему! Так будет гораздо приятнее.

Гу Гэ прямо спросил:

— А если я не стану этого делать?

Система на мгновение замолчала, прежде чем ответить:

— Хозяина ждет наказание.

Гу Гэ хмыкнул:

— По твоим словам, я исполнитель, но почему у меня нет прежних воспоминаний? Система, — он растянул губы в дерзкой улыбке, — меня ведь уже наказывали однажды, верно?

— Хозяин, не стоит отказываться от доброго отношения и напрашиваться на грубость! — Система, похоже, запаниковала и перешла к угрозам.

Гу Гэ ответил:

— Раз уж я отказался до того, как потерял память, то и сейчас, повторись всё снова, я сделаю тот же самый выбор.

Хрусть.

Сказав это, Гу Гэ почувствовал жажду и откусил яблоко. Он выглядел настолько безмятежным, что Система на время не решилась предпринять никаких действий. Всё дело было в том, что этот хозяин оставил у неё слишком глубокое впечатление, поэтому, стерев ему память и внушив установки, она поспешно погрузилась в сон, из которого её вынудил пробудиться лишь крах сюжета.

Система была могущественна, но у неё имелись свои страхи. Гу Гэ был слабее неё, но у него было одно огромное преимущество: он был один, а как говорится, голый не боится того, у кого есть сапоги. Его готовность идти до конца, даже ценой собственной жизни, заставляла Систему действовать с оглядкой.

Их противостояние напоминало глухой рокот подводного течения в спокойном океане. Система не желала сдаваться: она пересекла тысячи миров, чтобы найти его... Всё было так близко, что она готова была расплакаться от досады, а её «глаза» налились кровью от ярости.

Система прошипела:

— Хозяин, последнее предупреждение: если не начнешь выполнять задание, Система...

— Стоп, — Гу Гэ махнул рукой, — не трать время. Я не буду этого делать.

Сказав это, Гу Гэ вдруг осознал, что вокруг стало подозрительно тихо. Даже стрекот цикад, который он слышал мгновение назад, исчез без следа. Он понял, что находится в абсолютно белой комнате. Впрочем, комнатой это назвать было сложно: под ногами была не твердая поверхность, а нечто мягкое, подобное облакам, а вокруг не было стен — лишь бесконечная пустота, уходящая вдаль.

В этом безграничном пространстве находились только он и черная звезда размером с ладонь, зависшая в воздухе. Она пульсировала, словно живое существо при дыхании. Помимо отвращения, которое вызывала эта черная звезда, Гу Гэ почувствовал странную, необъяснимую близость к остальным частям этой пустоты. Он подавил нахлынувшие чувства.

Из звезды раздался голос Системы:

— Начинаю второе стирание памяти.

Сердце Гу Гэ сжалось: вот оно что.

Огромная энергия, окутанная яростным дыханием, хлынула на него, словно миллионы тонн морских волн, обрушивающихся на крошечную лодку. Однако ожидаемая невыносимая боль так и не пришла. Его лодочка, вопреки всему, перехватила инициативу, начала рассекать волны и даже стала двигаться всё увереннее.

Система же об этом не догадывалась.

Больничная палата.

Гу Гэ, до этого плотно сжимавший веки, внезапно открыл глаза. В глубине его зрачков быстро промелькнула цепочка сине-серых данных. Не обращая внимания на спину, промокшую от холодного пота, он посмотрел на свою правую руку.

Белая, изящная — рука человека, не знавшего нужды. На коже, похожей на белый нефрит, не было ни мозолей, ни уродливых шрамов. Это была его рука, но в то же время — не его.

Гу Гэ приподнял уголки губ в улыбке. Спасибо этой паршивой Системе: благодаря ей он вспомнил всё.

Он — Гу Гэ, только тот Гу Гэ, который сохранил воспоминания о прошлой жизни. В той жизни он был восходящей звездой бизнеса, победителем по жизни, державшим в руках сценарий мести. И именно тогда, когда он думал, что так пройдет вся его жизнь, появилась Система.

Она без лишних слов связала его с собой и потребовала выполнять это идиотское задание. Любой дурак знал бы, как поступить, а уж тем более Гу Гэ, привыкший жить так, как хочет он сам. Он отказался, после чего Система стерла ему память и забросила в этот мир. Поскольку он переродился в утробе, Гу Гэ легко вписался в новую жизнь. Лишившись памяти о прошлом, он рос, не зная бед, а из-за внушений Системы стал бегать за Се Нанем.

Иначе с чего бы ему это делать? Думаете, он позарился на то, что Се Нань живет за чужой счет и уродлив? Слишком много чести!

Освободившись от оков Системы, Гу Гэ начал эффективно менять сюжет, что и заставило спящую Систему пробудиться. Никто, и особенно эта собачья Система, не ожидал, что он восстановит память. С воспоминаниями о прошлой жизни Гу Гэ стал подобен тигру, обретшему крылья. Только теперь он понял, чего ему не хватало — теперь он стал по-настоящему цельным.

Что касается Системы, Гу Гэ усмехнулся: ещё при связке он догадался, что она — бумажный тигр. Её способности казались внушительными, но на деле она была слаба. Эти два стирания памяти израсходовали большую часть её энергии, и она вошла в состояние полудремы.

А Гу Гэ, сам того не ведая, нашел её слабое место.

Гу Гэ закрыл глаза, и его сознание, словно входя в безлюдное место, вновь перенеслось в бесконечную пустоту. В воздухе, едва светясь, висела черная звезда — сама Система. В состоянии полудремы она походила на парализованного больного, чье сознание с трудом ворочалось.

— Как жалко, — произнес Гу Гэ, хотя в его голосе не было и капли сострадания. Он взмахнул материализовавшимся в данных длинным клинком и четко, без колебаний, перерезал цепочку питания Системы, напоследок оставив ей вирусный код, чтобы она не сдохла, но была на грани.

Под полным ужаса взглядом Системы он, не оборачиваясь, покинул бесконечную пустоту.

— Малыш, ты наконец проснулся.

Когда Гу Гэ открыл глаза, Матушка Гу уже была здесь. Она с тревогой смотрела на сына. Утром он внезапно потерял сознание, а врачи не смогли найти никаких отклонений. Матушка Гу не могла не накручивать себя: вдруг это какая-то неизлечимая болезнь? Как только эта мысль приходила в голову, она сама же её отгоняла, но всё равно не сдержала слез — глаза до сих пор были красными.

Теперь, когда сын пришел в себя, она наконец выдохнула, переполненная радостью.

Чувства Гу Гэ сейчас были обострены, как никогда. Он сразу заметил, что Матушка Гу плакала, и улыбнулся, чтобы успокоить её:

— Со мной всё в порядке.

Его движения поначалу казались немного неуклюжими, но он быстро освоился.

Когда пришел Се Чэнькэ, из приоткрытой двери доносился смех, звучавший подобно приятной мелодии. Он опустил глаза, и выражение его лица, до этого отражавшее легкое воодушевление, внезапно помрачнело.

Никто не знал, как сильно он завидовал Гу Гэ. У того была такая прекрасная семья, любовь родителей, уверенность в себе, позволявшая вести себя как вздумается. А он? Се Чэнькэ посмотрел на свою хоть и приличную, но по сравнению с Гу Гэ выглядевшую жалко одежду. А статус приемного сына в семье Се был словно гора, прижимавшая его к земле.

Он не смел и не мог признаться в своих чувствах... брату Се.

Почему в этом мире такая огромная пропасть между людьми?

Се Чэнькэ завидовал, не мог смириться и не раз фантазировал: как было бы хорошо, если бы он был единственным молодым господином семьи Гу? Другие, возможно, так и остались бы в мечтах, но Се Чэнькэ решил действовать. Подавляя зависть, он, пользуясь статусом младшего брата Се Наня, стал другом Гу Гэ.

Семья Гу не скрывала от общественности, что Гу Гэ в больнице. Раз уж лучший друг заболел, он, конечно, должен был его навестить. Так и произошла эта сцена.

Не останавливаясь, Се Чэнькэ постучал. Услышав, что смех внутри стих, он почувствовал удовлетворение и слегка приподнял уголки губ, но, открывая дверь, тут же вернул лицу прежнее выражение.

— Гу Гэ, как ты себя чувствуешь? — Се Чэнькэ вел себя очень тепло. Он всегда был таким: мягким и обходительным, вылитая «белая лилия».

Се Чэнькэ поставил лилии и корзину с фруктами, поздоровавшись с Матушкой Гу:

— Здравствуйте, тетушка.

Матушка Гу ответила сухо. Она была женщиной с сильным характером и не терпела фальши. Семья Се вызывала у неё отвращение, и это отношение переносилось на всё, что с ними связано, включая Се Чэнькэ. Однако, вспомнив, как сын раньше относился к нему, она нашла предлог:

— Сынок, поболтай пока с Чэнькэ, я приготовлю вам фруктов.

Гу Гэ не успел ничего ответить, как Се Чэнькэ поспешно вскочил:

— Спасибо, тетушка, не стоит трудиться.

Матушка Гу ответила лишь коротким звуком и равнодушно взглянула на него. Видимо, женская интуиция подсказывала ей, что этот Се Чэнькэ ведет себя наигранно, и от его фальши становилось не по себе.

Под этим взглядом Се Чэнькэ напрягся так, что мышцы на спине свело судорогой. К счастью, Матушка Гу вскоре ушла.

В палате остались только они двое.

Гу Гэ не спешил начинать разговор, и в комнате воцарилась тишина. Но Се Чэнькэ не мог позволить себе молчать: он пришел сюда с заданием. Вспомнив слова, сказанные перед уходом Се Нанем и отцом Се, он прикусил губу и спросил:

— Гу Гэ, я пришел сегодня, чтобы кое-что сказать.

Гу Гэ приподнял бровь, но всё равно молчал, спокойно глядя на него.

Се Чэнькэ произнес:

— Я извиняюсь перед тобой от имени всей семьи Се.

Ответа не последовало. Се Чэнькэ словно разговаривал сам с собой. Его пальцы застыли, а к горлу подкатил ком неловкости. Его характер можно было назвать чувствительным, а если без прикрас — мнительным и коварным. То, что Гу Гэ просто молчал, вызвало у него тайную ненависть.

Хотя он отлично это скрывал, для нынешнего Гу Гэ всё это выглядело как жалкая игра.

Гу Гэ спросил:

— Ты извиняешься за всю свою семью? Почему они не пришли сами? И неужели вся твоя семья виновата передо мной?

Се Чэнькэ не нашелся что ответить. Когда отец Се был в ярости и рассказал семье о поступках Гу Гэ, никто, кроме Се Наня, не поверил в это до конца. В конце концов, в его глазах Гу Гэ всегда был таким глупым, что ради Се Наня мог унижаться до глубины души.

Сейчас Се Чэнькэ поднял взгляд и столкнулся с темными, как чернила, глазами собеседника. У него сердце екнуло.

— Я не знаю... Папа сказал мне, что был неправ, и хочет, чтобы ты его простил. А ещё мой брат... — Се Чэнькэ был вынужден выложить свой главный козырь, как ему казалось.

Гу Гэ проявил лишь капельку интереса, улыбнувшись яркой улыбкой. Почему-то Се Чэнькэ стало ещё страшнее.

Он стиснул зубы:

— Мой брат совершил ошибку, но это всё клевета посторонних, это неправда. Ты должен знать, что мой брат никогда бы так не поступил. В этом мире именно ты должен верить ему больше всех.

— Стоп, — Гу Гэ смотрел на него с легкой ленцой в глазах, — я должна верить ему больше всех? С чего бы?

— С чего бы? Потому что он урод, который ещё и по девкам ходит? Или потому что он наглец,

не знающий границ?

Лицо Се Чэнькэ залилось краской, он хотел было возразить, но Гу Гэ бросил на него холодный взгляд:

— В мире полно достойных мужчин. С моим происхождением и внешностью я могу найти кого-то куда лучше твоего брата. Это я раньше был слеп и принял стекляшку за жемчуг. Теперь я всё понял.

Гу Гэ долго сидел, и его спина затекла. Он подложил мягкую подушку и продолжил:

— Тот мусор, что зовут твоим братом, пусть забирает кто хочет. Мне он больше не нужен.

Се Чэнькэ был в ярости, он открыл рот, но Гу Гэ, не желая его слушать, просто закрыл глаза.

Се Чэнькэ дрожал от злости. К счастью, внезапно появилась Матушка Гу. Не дав ему ничего сказать, она мягко произнесла:

— Чэнькэ, время позднее, малыш ещё болен, иди-ка ты домой.

Это было прямое указание на дверь. Се Чэнькэ невольно взглянул в окно: было всего три часа дня, солнце пекло нещадно, предвещая жестокую жару середины лета.

Вернувшись домой, Се Чэнькэ в точности передал всё, что произошло. Он чувствовал, что даже без прикрас этих слов хватит, чтобы семья Се пришла в ярость. И правда, даже самый спокойный и сдержанный Се Нань помрачнел.

Его предположения подтвердились. С этого самого момента ситуация между двумя семьями начала меняться.

Отец Се, привыкший пользоваться положением семьи Гу, не успел ещё вдоволь насладиться выгодой, как всё начало рушиться. Он посмотрел на старшего сына и, нахмурившись, спросил:

— Се Нань, что нам делать?

Се Нань улыбнулся:

— Не спеши. Посмотрим, позволю ли я ему уйти.

Всего за один вечер поползли слухи: молодой господин семьи Гу, страдая от неразделенной любви к старшему сыну семьи Се, узнав о его делах, в отчаянии потерял сознание и попал в больницу.

В кругах обсуждали: молодой господин Гу так предан, интересно, в каком он сейчас

состоянии? В худшем случае — даже кусок в горло не лезет.

Услышав эти сплетни, родители Гу пришли в ярость. Бред, сплошная ложь! Их сын уже давно не любит этого Се Наня! Все эти слухи за пределами дома были просто отвратительны!

— Папа, мама, не спешите, — Гу Гэ выдавил горькую улыбку. — Мы пережили вещи и похуже. Подумайте, как на нас это влияет? — самым спокойным в семье оказался именно Гу Гэ.

Родители Гу, услышав это, переглянулись и замерли.

И правда.

Взгляд, которым они теперь смотрели на Гу Гэ, кардинально изменился — в нем было изумление и ещё больше радости. Оба они были неглупы, и после слов сына мгновенно поняли суть дела.

Гу Гэ прекрасно понимал замысел семьи Се: они хотели использовать общественное мнение, чтобы связать две семьи, а потом действовать по ситуации. Жаль, что их расчеты оказались неверны. К тому же Гу Гэ видел, что семья Се просто загнала себя в угол.

Колесо фортуны повернулось, и теперь инициатива была в их руках — семье Се здесь ничего не светило.

Гу Гэ провел в больнице ещё три-четыре дня. В основном потому, что Матушка Гу, не успокоившись из-за того, что врачи ничего не нашли, настояла на полном обследовании — она готова была проверить каждый сосудик.

У супругов была работа, огромная компания, и они собирались отложить дела, чтобы быть с сыном, но Гу Гэ парой слов убедил их вернуться к делам.

Гу Гэ чувствовал себя легко. Он был здоров, целыми днями гулял по этажам и даже завел друга по переписке — старика Ли.

Старик Ли когда-то отошел от дел, за плечами у него было много лет опыта. По его словам, если бы не здоровье, он мог бы пахать ещё пятьсот лет! А Гу Гэ, начавший всё с нуля, тоже был полон деловой хватки. Старик и молодой человек каждый день обсуждали тонкости бизнеса, и чем больше говорили, тем больше находили общего.

В день выписки Гу Гэ, не желая расставаться с новым другом, вечером отправился к нему, чтобы обменяться контактами — ведь как приятно поболтать за чашкой чая.

Но сколько бы он ни стучал, в ответ была тишина.

Гу Гэ нахмурился и, не раздумывая, выбил дверь. Старик Ли лежал на полу возле кровати.

В отделении реанимации загорелся красный свет. Гу Гэ сидел на скамье, испытывая невыразимое чувство — смесь тревоги и облегчения.

Была глубокая ночь. Коридор был тих, горел лишь тусклый свет. Послышались шаги. Гу Гэ опустил голову и увидел на полу длинную тень.

Мужской голос проник в его уши:

— Доктор, что с моим дедушкой? Это опасно?

Голос был сухим и хриплым.

Гу Гэ поднял голову, почувствовав, что голос кажется ему странно знакомым.

Мужчина, похоже, тоже заметил его. Их взгляды встретились в воздухе, и Гу Гэ застыл.

<http://bllate.org/book/19883/1957323>